

Иллюстрации: Анастасия Иванова для ОВД-Инфо

01.12.2022, 16:06 Москва

свой опыт

«Артхаусная галерея, которую не захочешь посетить». Рассказ бывшего фотографа штаба Навального о жизни в СИЗО

На бывшего фотографа штаба Алексея Навального Александра Струкова завели дело по статьям о разжигании ненависти и оправдании терроризма. По версии следствия, в комментариях за авторством Александра в телеграм-чате издания Знак содержались «признаки угрозы совершения насильственных действий в отношении лиц русской национальности» и призывы к терроризму. С января Струков находится в московском СИЗО «Капотня». Публикуем его рассказ.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

Свое уголовное дело я связываю с повышенной активностью силовиков: ведь 2022 год был объявлен «годом борьбы с экстремизмом и терроризмом». Возможно, из-за этого в чатах и группах была активность «кремлеботов», провоцировавших людей на ответную словесную агрессию. Чтобы потом заводить подобные абсурдные уголовные дела. В то, что имела значение моя волонтерская активность в штабе Навального, я слабо верю, потому что последнее событие в Москве, которое я снимал, был митинг у [СИЗО] «Матросская тишина» в 2019 году.

Когда публикуются новости в телеграм-канале, к каждой конкретной новости создается мини-чат. Комментарий к конкретной новости не виден в другой новостной публикации. Отдельно существовал чат на 100 человек, туда репостились новости: если писать там, комментарий не виден нигде, кроме этого чата.

Там были постоянные аккаунты провокаторов-кремлеботов, они засоряли чат оскорблениями, угрозами и просто спамом. Если по никнейму им удавалось найти человека в соцсетях, они для запугивания публиковали личные данные. Мне и самому не раз угрожали — вывезти в лес, отправить на войну, хотя на тот момент, в январе, военное вторжение еще не началось. Провокаторы ставили себе на аватарки фотографии Владимира Путина.

Они писали антисемитские оскорбления, оскорбления в адрес украинского народа, призывы к уничтожению

социальной группы «навальнисты», людей с либеральными взглядами. Простыми словами, в чате были просто срач, ругань и флуд. Видя весь абсурд, что нас окружает каждый день, всю несправедливость, бывало приятно под вечер выпустить пар, написав пару комментариев этим провокаторам. Показать, что их никто не боится, что их угрозы бесполезны и им не удастся запугать людей.

То, что за комментарии могут привлечь, я понимал, но верить не хотелось. А с другой стороны, уже настолько все надоело, что происходит в стране, это постоянное ощущение безысходности, отсутствие перспектив, постоянные трудности и необходимость решать проблемы... Я уже более двух лет нахожусь в непрекращающейся депрессии. Снились кошмары, думал, что меня прибьют при задержании.

Я искренне желаю всем не оказаться в СИЗО, но что есть запрет обсуждать какие-либо темы, как не цензура? А с цензурой стоит бороться, так как она может отбросить общество в еще более темные времена.

«МЫ С ТОБОЙ, КАК С ПРИНЦЕССОЙ, НЕЖНО ОБХОДИМСЯ»

Меня задержали около подъезда, задерживал СОБР, человек пять вели с заломанными за спиной руками по лестницам, после чего был обыск девять часов подряд. Я не знаю, что они искали и что рассчитывали найти, все это время меня держали на кухне. Глупыми разговорами оказывали психологическое давление. Не били, я и так весь больной. Даже шутили, типа «мы с тобой, как с принцессой, нежно обходимся».

У меня проблемы с сердцем, была операция в [медицинском центре имени] Бакулева, рекомендовали повторную операцию. Часто высокое давление, которое надо снимать, иначе начинаются дикие головные боли. Из-

за нервов желудок тоже больной, пью «Маалокс» и прочее. Спина болит, поясница — тут уже ничем не поможешь. Да, мне 29, и я больной.

Александр Струков / Фото со страницы Струкова во «ВКонтакте»

В 17:00 пришла мама с работы, она учитель в школе. Конечно, она была в шоке от количества вооруженных людей в черных масках, все вещи разбросали по квартире, кровать сломали. Всего их было более 40 человек — в масках, скрывающих лицо, абсолютно все, кроме пухлого оперативника. Ни один не показывал удостоверения. Говорили: «Мы показывали, ты забыл».

В ходе обыска они не нашли ничего противозаконного. Ни наркотиков, ни оружия, ни экстремистской литературы или символики. Вообще ничего. Даже на две старые пресс-

карты «Левиафана» (газета сторонников Алексея Навального — *ОВД-Инфо*) и «За права человека» особого внимания не обратили. Изъяли всю технику: жесткие внешние диски, ноутбук, компьютер, два сервера. Да и на компьютерах у меня никакой экстремистской литературы быть не могло. За день до задержания я снимал репортаж с квиз-игры в ресторане. Я попросил оперативников полчаса, чтобы отправить ссылку на гуглдиск с фотографиями, — они разрешили это сделать.

«КАМЕРА ЧЕТЫРЕ НА ДВА МЕТРА, СЕРЫЕ СТЕНЫ, ТУСКЛЫЙ СВЕТ»

Допрос по делу был в конце февраля, после чего меня отправили на психиатрическую экспертизу в институт Сербского, где я провел 30 дней, с 15 марта по 13 апреля. Камера четыре на два метра, серые стены, тусклый свет. В камере только кровать. Помещается там две койки, но меня держали одного. Чтобы сходить в туалет, умыться или попить воды, надо долбить в дверь и звать, чтобы вывели. Еду приносят, выдают раскладной столик. Еда вкуснее, чем в СИЗО, но порции маленькие и постоянно хочется есть. Поэтому хлеб обычно оставлял на вечер.

Тусклая лампа под потолком, маленькое окно. Если встать на койку у окна и подтянуться, можно увидеть жилой дом на сваях. Обычная панелька, но поднятая до уровня второго этажа. Дом находится буквально в десяти метрах. В пролетах между опорами (сваями) видно Садовое кольцо, многополосную дорогу.

Через день в камере проводился обыск сотрудниками ФСИН. Что искали, непонятно, ведь у меня забрали все вещи и выдали, во что одеться. Пару раз в неделю проводили обследования, выводили на разговор к главному врачу.

Врач в разговоре выдал такую фразу: «Вы же понимаете, что наш институт занимается карательной психиатрией? У нас побывало несколько политических, которых мы признали невменяемыми, историю нашего института вы знаете». Нет, историю я не знаю, но как-то не сомневаюсь в его словах.

Психиатр умело провоцировал в разговоре, но, как мне кажется, я разговаривал с ним без агрессии. Тяжелые были эти 30 дней.

Экспертиза по уголовному делу закончилась в апреле. Уже пять месяцев никакие следственные действия не проводятся. А суд продлевает арест. Я не знаю, почему следствие так затянуто. Сложно представить, что следствие сдеанонит провокаторов с никнеймами «Владимир Владимирович Путин» и аватарками с фотографией президента, которых в чате было не меньше десяти. Данные этих аккаунтов у меня есть. Я не знаю, чего ждать. Очень устал от нахождения в СИЗО.

«ОЧЕРТЕНИЯ ЛИЦ В ЭТИХ ПРИЧУДЛИВЫХ ПЯТНАХ ГРЯЗИ И КРАСКИ»

В СИЗО-7 я нахожусь уже более восьми месяцев. Это очень тяжело, если ты астматик и постоянно в курящей камере. Перевестись в камеру для некурящих невозможно, такие просьбы встречают насмешками. Говорят, таких камер нет.

Для меня стали дни счастья и радости, когда конвоир выводит в административный корпус на встречу с адвокатом. Только в это время можно пройтись по улице, подышать свежим воздухом, пройтись под небом. А так прогулки только в боксах под крышей с открытой узкой

полоской над головой. Камеры прогулочные грязные, похожи на пещеры.

Причем стены то ли покрашены, то ли обиты серой краской разных оттенков. Или это цемент, не знаю. Но такой хаос на стенах из разных пятен серого цвета формирует картинку, если напрячь воображение, в этих пятнах можно увидеть лица. Такая своеобразная артхаусная галерея, которую больше не захочешь посещать никогда в жизни. Мы с сокамерником выискиваем очертания лиц в этих причудливых пятнах грязи и краски.

Подъем в 6:00, в стену встроена колонка, она довольно громкая, в это время начинает орать гимн, после чего идет набор советских песен. Уже полгода трек-лист не меняется. В 7:30 принудительное радио орать перестает. С 6 до 7 развозят завтрак. Примерно через час после завтрака приходят забирать мусор. В 9:30 звонит второй сигнал о начале проверки. В 10 проверка доходит до нашей камеры. Днем возможна прогулка, в 13-14 часов обед. В 17:00 самое интересное. По будням приходит

Эрнст Ильич и разносит заказы родственников из интернет-магазина. Этому времени ждет вся камера. А вдруг в заказе сладкое к чаю или сам чай с сахаром. Здесь такое очень быстро заканчивается. В 18:00 ужин, в 21:45 сам отключается телевизор, в 22:00 звучит последний сигнал отбоя.

Питание в СИЗО отвратительное. Одна перловка, суп перловый и второе. Иногда бывает гречка, рис, макароны, но очень редко. Хлеб гадкий, у всех от него изжога. Медпомощь — если звать врача, таблетку дадут, на этом все. Сотрудники ФСИН разные, адекватные среди них тоже есть. С ФСИНовцами конфликтов не было. Замдиректора СИЗО на приеме назвал меня «врагом народа»: может быть, в шутку, но это не точно.

Сейчас нас в камере шесть человек. Два таджикистанца, два узбекистанца, один русский мужчина средних лет или старше. Отношения выстраиваются по национальностям. Общий русский язык, а так — кто кого понимает. Много таджиков, узбеков, киргизов. Иерархии нет, ко мнению старшего поколения прислушиваются.

Стычек обычно нет, но у меня был конфликт с тувинцем. Конфликт был из-за того, что он «АУЕшник», татуированный, назвал себя «смотрящим». Он сидит с 14 лет, сейчас ему 22. Сейчас в камере все «первоходы», все нормально. Ночи прохладные, но двоим приходится спать на полу. «Перелимит» в нашем СИЗО начался в августе.

«ВСЕ ПОНИМАЮТ, ЧТО ВОЙНА ВЕДЕТ К ЗАТЯЖНОМУ КРИЗИСУ И РАЗРУШЕНИЮ СТРАНЫ»

У нас есть пара книг, новые почему-то не пропускают. Улицкая не прошла цензуру и лежит на складе, там же

«Доктор Живаго». Очень жду, когда мне передадут словарь английского языка, какое-нибудь пособие или самоучитель. Очень хочется загрузить себя чем-нибудь. За полгода в СИЗО чувствую, как деградирую. Даже написание простых слов вызывает вопросы, сложно формулировать мысли.

А уж про диалоги на интересующие меня темы можно только мечтать. Раньше была пара сокамерников, с которыми было очень интересно поговорить... А так, все дружно играют в купленную мамой детскую настольную игру «Монополию». Все книги прочитаны. Сокамерники постоянно разные, буквально каждые две недели. СИЗО-7 остается карантинным, тут люди долго не задерживаются. Есть исключения: люди, с которыми провели в камере более трех месяцев.

Сокамерники очень по-разному относятся к моему абсурдному уголовному делу. Большая часть с пониманием, что это бред. Но однажды меня перевели в другую камеру, потому что сокамерник потребовал меня отселить и пожаловался, что я говорил про Путина и российское военное вторжение. Сейчас я в новой камере и не разговариваю о политике.

Все понимают, что война ведет к затяжному кризису и разрушению страны. Даже сокамерник Александр, старший лейтенант, согласился, что война — всегда зло. У него суд был 12 августа. Дальнейшая судьба его мне неизвестна: надеюсь, он выбрал семью, а не контракт в пекло.

На войну хотел Игорь, наркоман, худой, как скелет, все вены у него исчезли. Жуткая картина. Его по ошибке посадили в нашу камеру: он сказал, что ранее не судим. Я спросил, зачем он так сделал. Он сказал, что у несудимых всегда есть еда и с ними интересно. Других желающих воевать я не видел.

Один дагестанец из прошлой камеры рассказывал, что много кадыровцев полегло, как и вагнеровцев. Ходят слухи, что Пригожин объезжает тюрьмы и вербует людей за амнистию. Только дурак пойдет воевать, или как наркоман Игорь: он надеется сбежать с фронта. Он почему-то уверен, что сбежать получится. Еще хотел воевать Гена — спортсмен из прошлой камеры.

Когда выводят на прогулку, можно заметить, что на некоторых камерах висят бумажки о том, что там есть больные ковидом, и дата начала карантина. Я болел ОРВИ за месяц уже два раза, тест на ковид не делали. Врач назначал мукалтин и парацетамол.

У меня часто болит голова, из-за давления — пульсирующие боли. Передать в СИЗО лекарства крайне сложно. В камере иметь обезболивающие почему-то запрещено, фельдшер есть не всегда, чтобы выдать таблетку. Я и сейчас болею, у меня кашель, насморк и по вечерам температура — то холодно, то жарко. Не даю сокамерникам спать храпом из-за заложенного носа.

После всего случившегося за этот год я не считаю эту страну своей. Отношение к происходящему негативное. Жалко только маму, которая считает, что «все будет хорошо».

Редакция ОВД-Инфо

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

Украина

С началом полномасштабного вторжения в Украину в России стали преследовать тех, кто так или иначе высказывает реакцию на военные действия.

135 1015

Ещё почитать

18.02.2026 [Москва](#), [Санкт-Петербург](#)

«Открытое пространство» объявило о закрытии после включения в список «иноагентов»

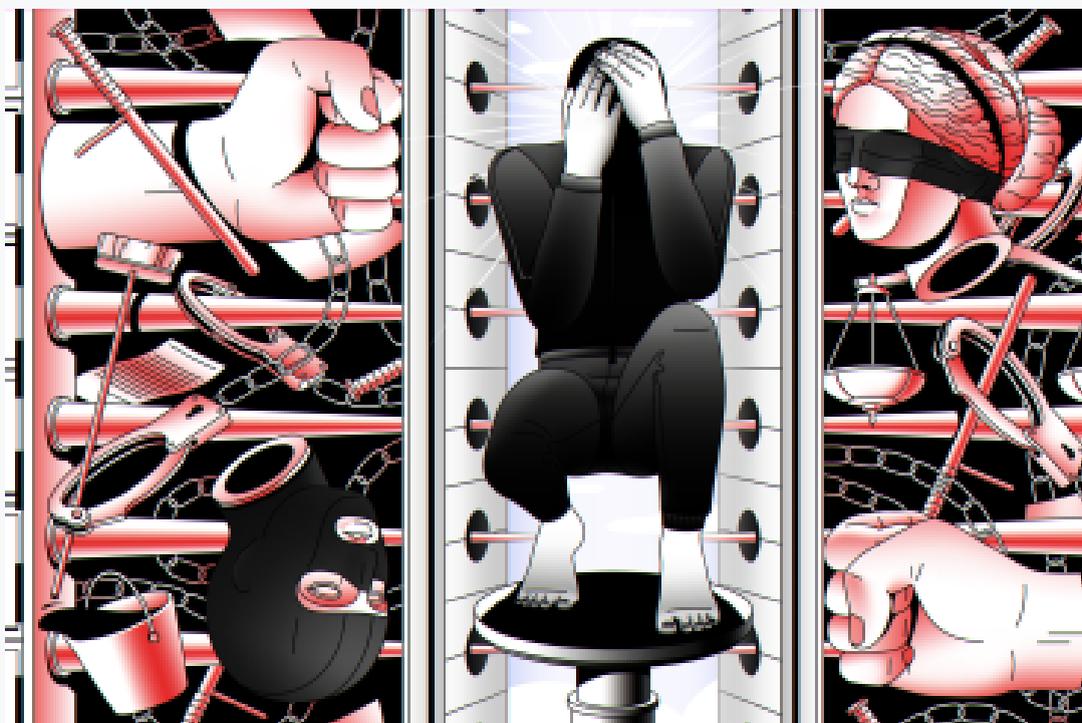
16.12.2025 [Свердловская область](#)

Уральских правозащитников отправили в СИЗО

«Что-то не так с Горецкой»: история ростовской провокаторки и свидетельницы обвинения в двух политических делах

Оппозиционерка подбивала знакомых устраивать поджоги и писать лозунги на стенах. Они становились обвиняемыми, она — свидетельницей обвинения.

Особые условия. Как на политзаключенных дают в СИЗО и колониях

Правозащитники рассказывают, что происходит в российских СИЗО и колониях, кроме пыток и избиений.

Как собрать передачу в спецприемник, СИЗО и колонию

В российских городах людей задерживают за акции протеста против вторжения в Украину, в СИЗО и колониях остаются политзаключенные. Задержанных и заключенных содержат в плохих условиях, поэтому им необходима...

Требуем запретить «карусельные» аресты

В октябре 2025 года суд в Петербурге отправил под административный арест участников группы «Стоптайм»: вокалистку Диану Логинову (Наоко), барабанщика Владислава Леонтьева и гитариста...

Преследования из-за чеченского оппозиционного телеграм-канала 1ADAT

32 новостей и текстов по теме